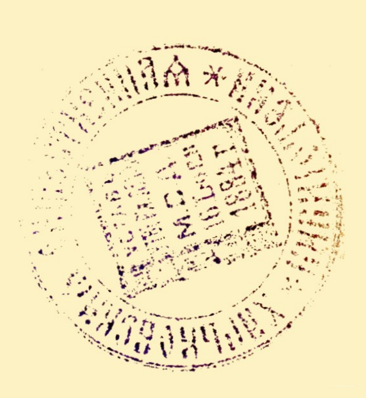
Иванов В.

Современная деревня.

В. В. Ивановъ.



СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

въ Харьковской губерніи.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 16.
1893.

Отдѣльные оттиски изъ Харьковскаго Сборника за 1893 г.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. 1.

Взглядъ крестьянъ на свою жизнь.

Возрастъ, національность, сословность.—„Жупаныкы", „дукачи", „мужыкы" и „голь".—Работа и праздники.—Богатство и его значеніе.—Ремесленники.

На вопросъ: «сколько лѣтъ сыну?»—крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ: «та уже пастушокъ,—погонычъ,—робитнычокъ,—косарь». Возрасту соотвѣтствуетъ извѣстное занятіе, занятіемъ и обозначается возрастъ.

Отказывая принять взрослаго мальчика «въ науку», кузнецы говорятъ: «намъ треба не годы, а ростъ, сыла». Занятіе требуетъ извѣстныхъ физическихъ данныхъ, данными этими и выражается годность къ тому или другому занятію.

На замѣчаніе: «отчего бѣднякъ чернорабочій, имѣя надѣлъ, не занимается «хліборобствомъ» или не отдаетъ дѣтей своихъ «въ ремесло»?—слышится: «для мужыцтва нужна справа, для рукомесла—время, а за подушне гонять, йісты треба,—треба й зароблять». Каждое занятіе требуетъ извѣстныхъ средствъ; экономическою состоятельностью и опредѣляется возможность даннаго занятія.

«Дукачъ скорішь здохне, а сына въ ремеснықы не відтдасть», говоритъ кустарь, опрашиваемый о родителяхъ его учениковъ. Каждый слой крестьянства имѣетъ свои занятія, занятіемъ и вы-

ражается принадлежность къ тому или другому слою. «Панскіе (крестьяне изъ малороссовъ) къ государственнымъ (ремесленникамъ) носятъ (заказы), а къ русскимъ приходятъ свои (ремесленники): прійдутъ, обчинятъ, обошьютъ все, какъ слѣдуетъ, и уходятъ. А у нашихъ все свои... Вотъ и большая слобода, да захолустная, проѣзду нѣтъ—и промысловъ нѣтъ, а у насъ дорога большая, торговля бойкая и—

„Де дворъ,—тамъ и воръ,
А де нема,—тамъ винъ найма“,—

выразительно замѣчаетъ малороссъ изъ «жупанныкивъ» на вопросъ о состояніи промысловъ и причинахъ развитія ихъ въ данномъ селеніи. Правовыя и національныя особенности и общія основы жизни населенія обусловливаютъ существованіе и формы кустарничества; характеру народа, его положенію и отвѣчаетъ развитіе промысловъ.

«Хиба воны выробылысь»?—разсуждаетъ крестьянинъ, сравнивая прежнее поколѣніе съ нынѣшнимъ. «Сейчасъ чого воно таке мале?—Зъ малу пійшло въ работу,—зачучвирило. За плугомъ ходе, а ёго изъ-за чепыгъ не видно. А це хиба косари! Колысь таки безъ штанівъ ходылы, не зналы якъ косця зваты, а теперь уже и косу уміе клепаты». И дѣйствительно. Только до 5 лѣтъ дѣти—«кашныкы», «кукиль», «роты», съ 5 до 10 лѣтъ они уже пасутъ гусей, свиней, овецъ, загоняютъ скотину. Занятіе ихъ—не профессія, названіе имъ общее—«пастушокъ», для дѣвочекъ еще «нянька». Впослѣдствіи изъ пастушка можетъ выйти «свынарь», гоняющій «черидку» (свиней), «вивчарь», выпасывающій «ватагу» (овецъ), «чередныкъ», пасущій «череду» (скотъ,—«товаръ»). Занятіе дѣтей—дань возраста и пасутъ они обыкновенно «свое». Съ 8 лѣтъ до 14 мальчикъ ходитъ «погонычемъ» въ полѣ; съ 12 до 18 лѣтъ онъ уже работничекъ—«плугатырь», «молотныкъ»; съ 16 до 50 лѣтъ—«косарь», полный работникъ, съ 50-ти лѣтъ—«пасишныкъ», «сторожъ», а тамъ «дідъ», «нахлібникъ», опять «ротъ». Прежде «косарь» былъ до 70 лѣтъ, народъ работалъ дольше, такъ какъ работалъ меньше. Рабочій періодъ не уменьшается, но перемѣщается нуждою на болѣе ранній возрастъ. Народъ слабѣетъ, и этотъ физическій упадокъ особенно замѣтенъ на первенцахъ, трудъ которыхъ нужнѣе для семьи. Отношеніе «гулячого» періода жизни къ «робочому» измѣняется, разница уничтожается, всѣ возрасты дѣлаются «робочымы».

Подобное «уравниваніе» замѣчается и въ разныхъ сферахъ народной жизни. Въ одной сферѣ сближеніе совершается быстрѣе, въ другой медленнѣе. Традиціонная вражда, напр., между «хохлами» и «москалями», коренное различіе ихъ бытовыхъ устоевъ начинаютъ смягчаться. Эти «совсѣмъ разные народы», столько лѣтъ живущіе бокъ-о-бокъ за своими, «національными стѣнами», начинаютъ «переглядываться», оказывать обоюдное вліяніе. Уравниваетъ ихъ и общее теченіе помимо ихъ воли. «Крутая» рѣчь хохла дѣлается предметомъ насмѣшки со стороны хохловъ—«жупаныкивъ». «Русскіе» начинаютъ употреблять хохлацкія выраженія, вводить въ свою рѣчь хохлацкія слова. Представители разныхъ національностей еще мало «берутця»: хохолъ не женится на московкѣ, такъ какъ она «кислая», но русскіе, особенно изъ богатыхъ, уже берутъ хохлушекъ. Прежніе кочевники-промышленники изъ русскихъ осѣдаютъ въ хохлацкихъ селеніяхъ и принимаются въ общество, прежніе отщепенцы-сосѣди изъ русскихъ, среди которыхъ вообще слабо развиты промыслы въ Харьковской губ., прибѣгаютъ къ услугамъ хохлацкихъ ремесленниковъ. Обычаи не пересаживаются, но характерные обычаи временемъ разлагаются; костюмы не перенимаются, но національная одежда, сильно мѣшавшая сліянію,—эти «плахты», «запаски», эти «сарафаны», «юпки»—исчезаютъ подъ напоромъ болѣе дешеваго фабричнаго ситца. «Русскій» устойчивѣе хохла: «москаля хоть въ росолі вары, все винъ...—москаль». Но у мѣстныхъ «москалей» замѣчается уже «выщелачиваніе» національныхъ особенностей. Вырабатывается нѣчто нейтральное, общее.

Не менѣе враждебными «мірами» были помѣщичьи и государственные крестьяне. Вѣчная ссора, насмѣшки, ругань сопровождали ихъ отношенія. Общенія почти не было. По развитію, взглядамъ, особенностямъ, по своимъ бытовымъ и экономическимъ устоямъ, они отличались не менѣе, чѣмъ представители разныхъ національностей. «Вольные» смотрѣли на «панскихъ», какъ на людей дикихъ, оголенныхъ, поголовныхъ воровъ и грабителей. Истощенные много-дневной «панщиной», крѣпостные дѣйствительно совершали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые набѣги на вольные хутора, опустошали ихъ бакши, огороды, воровали въ полѣ, изъ хатъ, на базарахъ, изъ лавокъ государственныхъ крестьянъ. Хвастаясь своими подвигами, они имѣли сильную защиту со стороны своего «пана», хотя и жестоко преслѣдовавшаго воровство дома. «Рогы»,—какъ дразнили вольные панскихъ за ихъ привычку ню-

хать изъ рожка свой домашній курительный табакъ перетертый съ золою,—находились въ постоянной враждѣ съ «люльками»,—какъ обмѣнивались панскіе съ вольными «куріями». Теперь вражда уничтожилась и завязались добрыя отношенія; сглаживаются пріемы, обычаи, замѣчается во многомъ полное тождество. Обнаруживается явное подражаніе государственнымъ крестьянамъ, играющимъ вообще роль просвѣтителей.

Правовая грань рухнула, національныя «стѣны» разбираются, но съ этимъ процессомъ уравниванія замѣчается другое движеніе, процессъ противоположнаго характера. Являются новыя особенности, возникаютъ новыя различія. «Міры» сближаются, но увеличивается пропасть, раздѣляющая «классы». Центръ тяжести перемѣщается. Національная и правовая сила уступаетъ силѣ экономической. Нити, соединявшія людей общей племенной группы, разрываются подъ давленіемъ новой разобщающей силы, а «мода», удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ, отмѣчаетъ новую кристаллизацію населенія по «духу» и состоянію.

Въ современной деревнѣ замѣчается мало солидарности, мало общихъ интересовъ и наблюдается много фактовъ, выражающихъ борьбу. Постоянно слышится: «И ты, бісівъ сынъ, чортивъ голякъ, рівняйсься до мене! Я тебе куплю и продамъ. У тебе одна душа при тілі, кішкы нема въ хаті, а я хозяинъ».—«Да чорты твого батька беры! Я хоть и бідный, да чесный. Ты мене своимъ богатствомъ не годуешь, а самъ не найісысь николы, зъ другихъ дерешь. Воно тобі выпадкомъ выпаде коли небудь. Пропадешь ты, и все твое богатство згине, або пожаромъ підниметця: бо ще бога за бороду не взявъ. Э,—знайте его, шо винъ богатый! Не бушуй же, не бушуй, гордію,—бо якъ здавлю такъ напляшесься».

Интересно посмотрѣть на народную жизнь глазами самаго народа, прислушаться къ его взглядамъ, выслушать его собственное мнѣніе о своей жизни. Далеко не однородною массою представится тогда наше крестьянство. Своеобразные классы съ разными взглядами, обычаями и интересами замѣчаются среди этого съ виду однороднаго люда.

Въ промысловомъ, напр., селеніи государственныхъ крестьянъ, по мнѣнію самыхъ крестьянъ, существуетъ четыре опредѣлившихся класса: «жупаныкы», «дукачи», «мужыкы» и «голь». Народ-

ныя названія эти еще не ясны; признаки классификаціи населенія оказываются различными, такъ какъ одни названія указываютъ на внѣшній видъ, другія на занятіе или состоятельность. Названія не настолько общи, чтобы охватить всѣхъ, принадлежащихъ къ данному классу,—ремесленники стоятъ какъ бы внѣ классовъ или всѣ они могутъ быть причисленны къ первому, такъ какъ ходятъ большею частью въ «панскій одежі». Но этими названіями мѣтко обозначается общій духъ каждаго класса. Чѣмъ выше слой, тѣмъ яснѣе проглядываетъ стремленіе его выдѣлиться, внѣшнимъ видомъ показать свое обособленіе, рѣзче обозначить «линію»; чѣмъ ниже классъ, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ экономическая его основа, тѣмъ не замѣтнѣе «грань» его. Названіями этими ясно отмѣчается общественно-психологическая идея каждаго класса.

Во главѣ крестьянской жизни стоятъ люди, занятые «торговымъ промысломъ». Это— «купци», платящіе «госцеве»; «торговци», торгующіе «крамомъ», «шинкомъ», «товаромъ шевскимъ», «бакаліей»; «дворныкы», т. е. содержатели постоялыхъ дворовъ. Лица эти занимаются еще «отарамы» (овецъ), «гуртамы» (скота), «сыпкою» (хлѣба), арендами и бакшами въ большихъ размѣрахъ. Обыкновенно они наиболѣе богаты, хотя не всѣ. Рядомъ съ такимъ, который «на 100 тысячъ не голоденъ», живетъ и «пузырь»; «дворныкы», жившіе нѣкогда какъ помѣщики, теперь совсѣмъ обѣднѣли, разбрелись по сторонамъ, перешли большею частью въ другіе классы или занялись другими промыслами. Представители этого класса носятъ сюртуки, картузы, пальто, шубы, крытыя сукномъ; женщины ходятъ въ ситцахъ, шелковыхъ платкахъ, дѣвушки носятъ платья по городскимъ фасонамъ, поютъ романсы. Рѣчь ихъ чистая, во взаимныхъ отношеніяхъ они на «вы», дѣти подходятъ къ ручкѣ родителей, и это обыкновеніе «бить ручку» переходитъ въ другіе слои. Они грамотны, интересуются и слѣдятъ за событіями «внѣшней» жизни, ѣдятъ разныя «блюда», хорошо приготовленныя, живутъ въ домахъ каменныхъ, иногда двухъэтажныхъ, крытыхъ желѣзомъ, о нѣсколькихъ комнатахъ съ разною мебелью. Встрѣчаются, конечно, въ этомъ классѣ лица, еще сохранившія народную рѣчь или, вѣрнѣе, говорящія на двухъ нарѣчіяхъ— «панскомъ» и «мужыцкомъ», употребляющія простую пищу, живущія въ «хатахъ».

Большую противоположность во многихъ отношеніяхъ представляетъ второй классъ. Если первый является представителемъ

городской культуры, миссіонируя въ качествѣ моста, соединяющаго городъ съ деревней, то «дукачи» являются представителями стараго хозяйственнаго типа .Живя большими семьями, они, говоря вообще, все имѣютъ свое, все сами для себя изготовляютъ. Занятіе «дукачей» одно— «коло хліба». Живутъ они особняками, сохраняя «старовину». Носятъ все мужицкое, но лучшаго качества; «жінки» ихъ, однако, одѣваются также какъ и «супруги» торговцевъ перваго класса, отличаясь простотою покроя своего платья, и носятъ на шеяхъ рублей на 50 и больше червонцевъ, дукатовъ, намыста. О пищѣ они не заботятся: «клочья и вовна,—абы кишка повна», «аже не покращаешъ, якъ зъисы луче». Пища у нихъ «зельцемъ пахне, перцемъ посваритця», каша «хозяйська, а не прикащицька: така крута, шо зерно зерна догоняе». Живутъ они трезво; чай у нихъ— «мерзена забава: тільконо время гаять»; сѣрники они держатъ, но освѣщаются каганцемъ, добывая огонь изъ кремяя на губку изъ старой тряпки, натертой въ золѣ изъ гречневой соломы. Отличаются скупостью, нѣкоторые собираютъ кости даже отъ чужой дохлой скотины; дома ходятъ не чисто: «попа й въ рогожі видно», «за канальскимъ «помагай Бігъ» днемъ шапку отрипавъ». Работаютъ много; отличаются деспотизмомъ, гордостью, сознаніемъ своего достоинства: «выдно пана по походу; якъ и панъ ходе». Школу они не любятъ, къ грамотѣ относятся съ недовѣріемъ или прямо враждебно: «якъ-бы меньшъ зналы, то далі (на дольше) бъ сталы». У нихъ встрѣчаются иногда оригинальныя молитвы: «Око на небі, око на земли, буды мене грішнаго, буды мене праведнаго», а передъ обѣдомъ говорятъ: «О мья, о мья, о мья—гречана, вивсяна, просяна,—всяка пашныця для скотины. Будьте здоровы, съ пятницей, давайте снидать».—Между «дукачами», конечно, бываютъ разновидности и въ настоящее время довольно большія, но, представляя нѣкоторые переходы къ третьему классу, рѣдко къ первому, они остаются вѣрными своимъ традиціямъ.

Про третій классъ можно сказать, что здѣсь «всяко бувае». Встрѣчаются и богатые, которые «хымеры наводятъ», и бѣдные, подходящіе къ классу настоящей «убижи», и исключительно «хліборобы», убѣжденные, что «мужыкъ мужыкомъ во віки віковъ», и лица, бросающіяся «на всі штуки», и полные индифферентисты, говорящіе: «Богъ создавъ мыръ, Богъ зъ нымъ», и люди, подъ вліяніемъ которыхъ совершались крупныя перемѣны въ мѣстной жизни. Трудно представить себѣ занятіе, которымъ не занимался бы середнякъ. Кромѣ «хліборобовъ», встрѣчаются здѣсь

всевозможные «рукомесныкы»: «шевци», занимающіеся шитьемъ обуви, «кравци»—шитьемъ платья, «чымбари»—дубленіемъ кожъ, «кушнари»—чиньбою овчинъ, «ковали»—кузнечествомъ, «шапувалы»—выдѣлкою полстей, «вібойщыкы»—набойкою холста, «лымари» или «шворныкы»—шитьемъ сбруи, «скляри»—изготовленіемъ рамъ, «крыльщыкы»—кровлею хатъ, ткачи, «колісныкы», телѣжники, плотники, бондари, столяры, «скрыныкы», веревочники, шапошныки, свитники, «олійныкы», «сереблянықы». Тутъ занимающіеся разными промыслами и «торгивствомъ»: «різныкы», «крамари»; шинкари, бакшари, «вугельщикы» и всевозможные барышники: «рыбасы», «солянықы», «скотари», «куритныкы», «прасолующіе» землею, «кулаки» («кагака»), т. е. барышующіе хлѣбомъ и проч. Одни говорятъ: «весна—рідна сестра, святе літо—рідна маты, осень—мачуха, зима—батрачка», а «хто літомъ не робывъ, той зимою штаны загубывъ»; «прійшло літо,—вздыхаютъ другіе,—померла наша шевска или красавецька маты, настала осінь,—радуются одни,—ожила наша красавецька-шевска маты». Разныя занятія и разные, повидимому, интересы. «Хліборобы» подсмѣиваются надъ «ремесныками»: «де не взявьсь преудалый молодецъ, да къ тому-жъ и кравець—заступомъ свыту скроивъ, до подушкы коміръ прышывъ», «колеснықъ—дурный ремеснықъ: вертыть, довба, та впьять и забыва», дразнятъ ихъ «сиднями», «шевелами», «цвентухами», «палышкурками», «габелками», «турыцей»; *вмѣстѣ* съ ремесленниками *смѣются надъ барышниками*, называя ихъ «крутыхвостами», «курощупами», «білымы цыганамы», «базарнымы собакамы». Надъ «чернымъ мужикомъ», неразвязнымъ съ «крутою» рѣчью, въ историческихъ «чоботахъ», ремесленники въ свою очередь подсмѣиваются, называя ихъ «мугирями», «мугирякамы», «мурмулямы», «мурмулякамы», дразнятъ ихъ: «мурмулю ту-лю-лю, старшій братъ капралю,—сякый, такый, перетакый». Существуетъ масса разсказовъ, гдѣ осмѣивается «мугиряка», традиціонно сохранившій завѣтъ старинныхъ взглядовъ и отношеній, разсказовъ, разсчитанныхъ на рисовку, хвастовство культурными привычками и понятіями. «Входе мугирь въ лавку и каже: «продай паноче сахмарю». Винъ давъ свічокъ пивъ-фунта. Иде мужикъ и йість, а солдатъ встрівсь и каже: чи «ловко»?—«Ловко то ловко да по середыни верёвка». Бачъ, гнітъ міша, а то иде плавко». И т. п. Разныя занятія даютъ болѣе или менѣе разный заработокъ. У коваля—«стукъ-грякъ и пятакъ», у «шевьця», особенно занимающагося чиньбой кожъ, дратва

поетъ: «сытъ и пьянъ, сытъ и пьянъ», у «кравця», живущаго однимъ портняжествомъ, игла съ ниткой плачутъ: «чуть-живъ, чуть-живъ». Ремесленники въ общемъ отличаются отъ земледѣльцевъ своимъ истощеннымъ видомъ, «панскимъ» костюмомъ, лучшей пищей, разговорнымъ языкомъ, взглядами, развитіемъ. Барышники отличаются отъ нихъ «нравомъ», общественными истинктами. Но всѣхъ ихъ соединяетъ общее положеніе, всѣхъ ихъ связываютъ общіе интересы. Всѣ они середняки по своей зажиточности, всѣ они «хозяева-работники» и всѣ они такъ или иначе тяготѣютъ къ земледѣлію. «Барышники» въ тоже время и «хліборобы», «рукомесныки» тоже «ходятъ около хліба» или получаютъ «скипщину» отъ своего надѣла. Разныя отклоненія представляютъ собою незамѣтный переходъ въ другіе классы, и середнякъ служитъ матеріаловъ для расширенія всѣхъ классовъ, особенно послѣдняго, съ которымъ онъ совершенно сливается.— Отдѣльнымъ слоемъ, характернымъ и—кто знаетъ—весьма важнымъ быть можетъ въ будущемъ представляется особая категорія лицъ, уже отмѣченная насмѣшкой. Насмѣшка обыкновенно сопровождаетъ все новое, какимъ бы оно ни было грознымъ въ послѣдствіи. Это «пыжики», гордые «скоробогатьки», мечущіеся «во всѣ стороны», рвущіе со всего, въ виду рубля все ставящіе на карту, изъ ничего выскакивающіе и въ «бездну» проваливающіеся. Являясь симптомомъ новаго движенія, они служатъ въ тоже время ферментомъ, усиливающимъ экономическое броженіе той категоріи «мужыцтвующихъ», которая причастна «торгивству» и «барыштву». Духъ же торговый охватилъ крестьянство и вызвалъ за послѣднее время массу мелочныхъ торговокъ.

Разнообразныя занятія встрѣчаются и среди крестьянской «убіжи», среди того класса, который нѣкогда вмѣстѣ съ частью середняковъ богатыми мужиками назывался «черню», такъ какъ «бѣдности» такой прежде не чувствовалось, а теперь отдѣльно отъ нихъ называется «голью» и «батраками». Самый характеръ «бѣдности» измѣнился. Если третій классъ говоритъ о себѣ: «робы до поту, а не солоно йіжъ»,—то этотъ классъ стонетъ: «робышъ, робышъ и ни ззаду, ни зпереду», «до поту робышъ, а босый ходышъ», «все літо хлібъ робы, а зимою зъ мішкомъ на базаръ ходы», «сію та ору, а зъ базару хлібъ несу», «торгую, торгую, а смаку не чую», «шыю, шыю, а въ долгахъ по шыю», «нанявсь якъ продавсь, отслуживсь—выкупывсь». Здѣсь тотъ-же «мужикъ», только безъ «хозяйскаго» устоя, тотъ-же «швець»,

только «шкарбуны» латающій; тутъ и «дровяныкъ», но продающій «хамло» и «крутыхвостъ», но въ качествѣ «купецького подлокотныка». Существуютъ и спеціальныя занятія этого класса. Это поденщики— «ципурныкы», «косари», «сокирныкы», «пыльщыкы» и отходящіе на заработокъ— «забродчыкы», «заборяне», «гайдари», «линейцы». Отъ середняковъ «убіжъ» отличается внѣшнимъ видомъ, образомъ жизни, душевнымъ настроеніемъ. Ѣдятъ они плохо, питаясь не рѣдко, какъ поденщики, въ теченіи цѣлаго «тыждня» однимъ хлѣбомъ, живутъ часто въ сырости и въ холодѣ, не зная никакихъ удобствъ и приспособленій, не имѣя въ своихъ хатахъ ничего, кромѣ «осліна». Не удивительно, если здѣсь говорятъ: «ходимъ пропьемъ, аже не прокоштуесся» и существуютъ лица, о которыхъ говорятъ: «винъ якъ запье, такъ и ворота забье». Середнякъ «самоваръ пьетъ» [1]), удерживается своимъ «мужицкимъ» общественнымъ мнѣніемъ, останавливаясь передъ упрекомъ: «луче пропыты, чімъ дегтю купыты»; онъ такъ или иначе сытъ, ежедневно ѣстъ горячее, воодушевленно работаетъ. А у «голи» одно утѣшеніе: «заробышъ кревно, пропьешь певно,— никому ни въ нижку». Нечего удивляться, если рядомъ съ полной апатіей здѣсь существуютъ затаенная злоба и непримиримая ненависть, хотя «убіжъ» и не вмѣшивается въ «обчество», помня басню о синицахъ, поспорившихъ съ орломъ [2]). Разновидность этого класса составляетъ переходъ отъ абсолютнаго нищенства къ относительному достатку середняковъ, отъ «мужиковъ», занимающихся, кромѣ хлѣборобства, ремесломъ или торговлею, къ лицамъ, не имѣющимъ «въ рукахъ» ни земли, ни ремесла. Этотъ классъ составляютъ главнымъ образомъ «міщане:—одно мішокъ на базаръ тягне». Земля сдается ими «съ копы», за деньги или просто за подати, отъ «безнадежныхъ» и главнымъ образомъ отъ вдовъ она отбирается въ общество; «николаевскіе» лишь въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣютъ надѣлы, такъ какъ во время ревизіи были на службѣ. Общество имѣетъ безземельныхъ, «приписанныхъ» изъ бывшихъ дворовыхъ и проч.

---

[1]) Крестьяне пьютъ чай съ цикоріей или „цвітъ"—материнку, шавлію, буквицу, или просто горячую воду, забѣленную молокомъ. Крестьяне любятъ чай:

„Пье панъ—два, а то одынъ стаканъ,
Купець пье покы чай сопье,
Начавъ пить мужыкъ, выпье самоваръ, якъ бы не бувъ велыкъ".

[2]) „Дві синиці вздумалы съ орломъ сражатця: „ты шо одынъ,—одынъ, а насъ якъ два,—такъ два". Орелъ одну схватывъ и задавывъ, а одна осталась и каже: „ащо, ты такы шо одынъ, то одынъ, а насъ шо два, то два". Яка умна!"

Таковы слои крестьянства, таковы «классы» въ современной деревнѣ. Выдѣливъ по нѣсколько десятковъ семействъ на долю перваго и втораго, остальныя сотни почти равномѣрно распредѣляются между третьимъ и послѣднимъ классомъ.

Два признака лежатъ въ основѣ народной классификаціи крестьянства: работа и зажиточность. Первый классъ, по мнѣнію народа, составляютъ люди, которые «своимы жыламы не тягнуть», лица, про которыхъ говорятъ: «на легкій хлібъ пійшлы, а робыты не хотять», «цілый день хлопоче, а *не робе*». Взглядъ на этотъ классъ, какъ на людей не работающихъ, выражается въ насмѣшкахъ и брани. Представителей этого класса въ запальчивости называютъ: «дуріями», «дурисвітами», «драчами», «дерунами», «міройідами», «горланами», «глотарями», «ватухами». У нихъ «копійка не трудова». Остальные классы принадлежатъ къ трудящимся. Представители послѣдняго класса—это «*чужіе* работники»: «челядники», «батраки», выполняющіе «чужую» работу, нанимающіеся «до людей»; второй и третій классъ состоятъ изъ «хозяевъ», имѣющихъ «*свое* діло» и затрачивающихъ на него личный трудъ. У середняковъ чѣмъ больше этого «діла», тѣмъ больше имъ затрачивается своего труда,—середнякъ работаетъ прямо пропорціонально своей зажиточности: сдѣлавъ «свою» работу, онъ отдыхаетъ, на чужую рѣдко идетъ, не желая ронять своего «хозяйского» достоинства. Богатые мужики уже имѣютъ годовыхъ работниковъ и эксплоатируютъ наемный трудъ въ объемѣ ихъ «діла», участвуя лишь въ нѣкоторыхъ процессахъ этого «діла»: «на то коваль и клещи держе, шобъ рукъ не пекты».

Не только выраженіемъ, но и самыми мотивами хозяйственной дѣятельности отличаются между собой эти группы. «Личный интересъ», какъ стимулъ труда, представляется формой, въ которую вкладывается разное содержаніе:

„Бідный зъ крайности бьетця,
Середній, шобъ не дойты до неі печетця,
Высчій, шобъ порівнятьця зъ богатымъ хлопоче,
Богатый, шобъ не бувъ хто рівнымъ, уйты хоче“.

Такова схема импульсовъ на разныхъ ступеняхъ довольства. Однихъ заставляетъ трудиться личная нужда, у другихъ «заведенный кругъ» хозяйства требуетъ опредѣленной работы, третьихъ руководитъ зависть или честолюбіе. Личныя потребности, хозяйственныя потребности, а затѣмъ страсти руководятъ хозяйственною дѣятельностью человѣка. Вообще люди, по понятію народа, на-

ходятся подъ вліяніемъ разныхъ мотивовъ, смотря по своему положенію. Положеніе крестьянъ иное, чѣмъ положеніе высшихъ слоевъ общества, «панивъ», и мотивы ихъ дѣятельности совершенно разные. Жизнь народа протекаетъ въ «работѣ», т. е. въ производствѣ матеріальныхъ цѣнностей, жизнь высшихъ слоевъ протекаетъ въ «хлопотахъ». Жизнь народа основана на *раздѣленіи труда*, жизнь высшихъ слоевъ на *«раздѣленіи хлопотъ»*. Группировка людей высшихъ слоевъ совершается по ихъ способностямъ «къ услугамъ» или по значенію уже оказанныхъ «услугъ» обществу. Отношенія высшихъ слоевъ и крестьянъ—не экономическія, такъ какъ здѣсь не происходитъ обмѣна «матеріальными» цѣнностями, непосредственнымъ производствомъ которыхъ высшіе слои не занимаются.

Иллюстраціей трудоваго принципа можетъ служить отношеніе разныхъ «классовъ» народа къ праздникамъ. Первый классъ обвиняетъ «чернь» въ праздности, настойчиво пропагандируетъ идею труда, разрушая суевѣрія, связанныя со многими праздниками и заставляя работать своихъ работниковъ въ эти дни. Послѣдній классъ, наоборотъ, наиболѣе сочувствуетъ всѣмъ народнымъ праздникамъ и крѣпко ихъ держится. Празднуетъ онъ потому, что ему дѣлать у себя нечего. Остальные классы придерживаются особыхъ праздниковъ. Середнякъ создалъ особую литературу, которой порицается праздность и осмѣивается человѣкъ лѣнивый и «невдалый».

Вообще праздники дѣлятся народомъ на двѣ категоріи: на «грішные» и «сердитые». Къ грѣшнымъ относятъ общепринятые большіе праздники и нѣкоторые изъ малыхъ, на которые грѣшно работать, подъ сердитыми праздниками разумѣютъ тѣ, святые которыхъ отличаются мстительностью за непочтеніе къ нимъ. Тѣ и другіе въ свою очередь дѣлятся на крѣпко грѣшные и сердитые праздники и мало грѣшные и сердитые. Первая категорія обыкновенно празднуется, на вторую воздерживаются отъ нѣкоторыхъ видовъ работы. На сердитые праздники, кромѣ того, часто постятъ. «Ягорій» завѣдываетъ волками, и если есть въ хозяйствѣ мелкій скотъ, то одинъ изъ семьи поститъ; существуетъ коровячій праздникъ «Власса», его празднуютъ бабы, хотя бѣдовая баба заставляетъ праздновать и своего «чоловіка»; на «Руфу», когда «травы рушатся и гадюки выползаютъ» и на «Здвыженье» нельзя въ лѣсъ ходить; на «Чернаго Ивана» не все можно дѣлать, такъ какъ работа почернѣетъ; на «Головосіка» нельзя круглаго рѣзать. Если работать на «Царяграда»,—градъ выбьетъ

поле, на «Палія»,—пожаръ будетъ, на «Михайлові чуда», - какое нибудь «чудо» совершится, на «Благовісныка»,—родится «благовісный» [1]). Встрѣчаются крестьяне, которые еще празднуютъ «велый день росальчинъ», «розыгры», «пятинки», двѣнадцать знаменитыхъ пятницъ и проч. [2]) Но ремесленники не празднуютъ «сердитыхъ» и малыхъ праздниковъ. На «мало грѣшные» празд-

---

[1]) Приведемъ нѣсколько характерныхъ разсказовъ, которые намъ удалось собрать.

„Одынъ чоловікъ взявъ жыто въ празднықъ та кынувъ лопатою вгору, а тамъ була гадюка та й впала ему на плечи; укусыла, обвылась коло шыи,—такъ и вмеръ нещасный.—Одна жінка беремена шыла въ празднықъ та й родыла дытя зъ шытымы пальцями на рукахъ и на ногахъ.—Одна дівка пишла въ лісъ проходытьця та й заблудыла. Ходыла, ходыла та й впала въ ту яму, шо гадюкы злазятця на Здвыженье всі до міста на зиму. И гадюки іі такъ уплелы одна за другу, шо неззя було вылизты,—тамъ и вмерла.—Одынъ богатый чоловікъ не чтывъ малыхъ празднықівъ, и на Палія оставсь одынъ визъ снопівъ не скыданыхъ. Винъ ихъ скыдавъ, довершывъ стога, не вспівъ злизты,—якъ отъ летыть птыця и несе головешку вогню, а зъ неі такъ искры и сыпятця, та й кынула на той стігъ шо довершувавъ. И вразъ весь тикъ его зъ хлібомъ загорився и згоривъ до тла. Не дай Богъ робыты на Палія,—непреміно хлібъ погорыть.— А то одынъ чоловікъ поіхавъ сіяты, ему люде и кажуть: „куды ты йидешъ“?— „Куды? хиба не бачешъ: сіяты“.—„А сегодні празднықъ Михайлові чуда“.— „Э,- чудно жъ буде якъ засію ныву“. Отъ и прыйіхавъ на ныву, ставъ борону зниматы та задівъ голову мижъ быльця бороны, шобъ на плечи іі взяты и знесты на ныву,—та такъ зъ бороною цілый день по ныві и проходывъ до вечора, ажъ покы смеркло. Та ажъ тоди опомнывся. Тоди положывъ борону на визъ та й прыйіхавъ до дому, та й дітямъ заказавъ на Михайлово чудо ничого не робыты“.—

[2]) Въ рукописи „Сонъ Пресвятыя Богородицы“, сильно распространенной среди крестьянъ, идея отдыха настойчиво пропагандируется. Рукопись эта знаменательна во многихъ отношеніяхъ: нѣкоторые по наивности своей ею молятся и до настоящаго времени, ее кладутъ подъ голову родильницъ для облегченія родовъ, прикосновеніемъ ея лечутъ нѣкоторыя болѣзни. Въ ней предписывается не работать въ воскресный день и во дни праздниковъ Господнихъ. „Ежели, сказано въ рукописи, сего моего писанія не будете слушать, то буду васъ карать злымъ повѣтріемъ и побужу царя на царя, короля на короля, князя на князя, пана на пана, сосѣда на сосѣда, брата на брата, отца на сына, сына на отца, и будутъ между вами великія кровопролитія, и всѣхъ васъ оскорблю, и пищу отниму; еще буду карать васъ градомъ и блистаніемъ, дабы познали гнѣвъ мой и справедливость мою. Еще приказую дабы въ субботу послѣ вечерни не робылы для Пресвятыя Богородицы матери моей“. Въ „поученіи папы римскаго о двѣнадцати пятницахъ“, входящемъ въ общую рукопись, предписывается поститься въ эти дни, а по другимъ спискамъ поститься и не работать. Кто чтитъ 1-ую пятницу, на первой недѣлѣ великаго поста, „отъ незапныя смерти избавленъ будетъ“, 2-ую, передъ Благовѣщеніемъ, „отъ непріятеля сохраненъ будетъ“—а по другому списку, „отъ напраснаго убивства сохраненъ будетъ“, 3-ью, на страстной недѣлѣ, „отъ пагубы сохраненъ будетъ“, „отъ великой муки

ники и мужики обыкновенно уже работаютъ. Празднуются дни церковнослуженія: «чи воно завтра дуже грішный празныкъ,— чи будутъ звоныты, чи ні? Треба-бъ ото и ото зробыты та й не знаю чи роблять де? Якъ люди роблять, нехай Богъ простыть». Слышится протестъ: «якъ будемъ саввыты да варварыты да не будемъ починка кувбаныты, то й останемся безъ сорочкы», и ропотъ на праздники, столкнувшіеся вмѣстѣ: «оці мені ще празднықы! Тутъ діла по горло, ажъ крычыть, а тутъ празднуй». Работаютъ иногда и на большіе праздники половину дня. Молодое поколѣніе не признаетъ многихъ праздниковъ стараго поколѣнія, работаетъ и на сердитые праздники.

Народъ возбуждаетъ себя въ работѣ пословицами: «хто дбае, той и мае», «хто трудытця—не кучытця», «ледачій чоловікъ— плохій хозяинъ», «білы рукы—чужій трудъ», и т. п. Лѣнивыхъ и неумѣлыхъ называютъ «легами», «баглаями», «нехлюями», «вайлами», «лутаями», «неклюгами», «пришелепуватыми», «недотепными,» «невдалюгами», «долдонами», «мішкомъ прыбытыми», «не дотека—не кукебами»: «вона нехлюя и кішці хвоста не завяже», «прышелепа недотіпный, винъ до воза и килочка не затеше». Надсмѣхаются: «гей—цабе! сіемо, оремо, а зъ базару хлібъ йімо», «умомъ робы, а кровью на двіръ ходы», «о, той швець якъ пошые, такъ якъ разъ будуть на собаку велики, а на кішку ма-

сохраненъ будетъ", 4-ую, передъ Вознесеніемъ, „на судѣ нерушимъ будетъ", „отъ потопленія сохраненъ будетъ", 5-ую, передъ Сошествіемъ Св. Духа, „отъ страшнаго меча сохраненъ будетъ", 6-ую, передъ Рождествомъ Іоанна Предтечи, „отъ недостатка сохраненъ будетъ", „отъ великаго и недоступнаго грѣха сохраненъ будетъ", 7-ю, передъ Ильей, „отъ грома сохраненъ будетъ", 8-ую, передъ Успеніемъ, „отъ всякія трясовицы сохраненъ будетъ", 9-ую, передъ Козьмою и Демьяномъ, „отъ болѣзни сохраненъ будетъ", „отъ смертнаго грѣха сохраненъ будетъ", 10-ую, передъ Михаиломъ, „увидитъ имя свое у Пресвятой Богородицы на престолѣ", 11-ую, передъ Рождествомъ Христовымъ, „Пресвятую Богородицу передъ смертію узритъ" и 12-ую, передъ Богоявленіемъ, „увидитъ имя свое у самаго Господа нашего І. Х. въ животныхъ книгахъ".— Извѣстно, что бабы вообще по пятницамъ не прядутъ, бѣлья не бучатъ, въ 12-ую пятницу не шьютъ, мужики по пятницамъ не пашутъ землю. „Въ каждомъ мѣсяцѣ, читаемъ въ той же рукописи, должно опасаться двухъ дней злыхъ: генваря 2 и 26, февраля 2 и 24, марта 3 и 28, апрѣля 3 и 12, мая 2 и 21, іюня 4 и 8, іюля 6 и 28, августа 6 и 18, сентября 2 и 21, октября 8 и 29, ноября 19 и 22 и декабря 2 и 21. Кто въ оные дни женится, тотъ человѣкъ не обрадуется, а кто заболѣетъ, не встанетъ, хотя и встанетъ, нездоровъ будетъ; если родится въ человѣцѣхъ или въ скотѣ, то своей горести не избудетъ. Кто домъ построитъ, не будетъ въ немъ жить, кто въ путь пойдетъ, прибытка не будетъ или смерть является; кто посадитъ или посѣетъ, не взойдетъ".

ли»! «видно, каже, пряху по пидтеци», «тай скемзалъ дядя на себя глядя», «сіла прясты якъ чередныкова Химка», «торгувалы й кирпичомъ, та остались не причомъ», «ни швець, ни мнець,—ни чортъ зна шо». Народъ знаетъ цѣну сатиры и прибѣгаетъ къ ней для осмѣянія праздности и неумѣлости, для увеличенія труда и усиленія его производительности [1]).

Вторымъ признакомъ народной классификаціи населенія яв-

[1]) Приводимъ нѣсколько собранныхъ нами образцовъ народной сатиры.

„Жінку мужыкъ ругае: „та ты стерво ні пекты, ні зварыты".—„Та й тільки-жъ". „Та ты ні шыты, ні прясты".—„Тай тільки-жъ". „Та ты и хаты не пидметешъ".—„Та й тільки-жъ". Та ты й танцюваты не вміешъ".—Э, ні! За скокы—въ бокы—побью матери вашій чортъ и щокы". Тільки танцювать и вміла".

„Одна жінка запустыла діжу шо вона и на діжу не похожа: около и въ середці вершка на три позасыхало тісто, хлібъ не удаетця. Мужъ іі ругае: „чого такій плохій хлібъ, не такъ якъ у людей"? Вона отвічае: „Э, бісъ батькови твоему! У людей святять діжу на годъ разивъ десять, а у насъ и зъ роду не святылась".—„Такъ треба поклыкаты та посвятыты". Ну и поклыкалы. Піпъ кадыть діжу и приговорюе: „діжа, діжа! треба тоби выхтя та ножа, а хозяйци батожа". Чоловікъ: „ты чуешъ жінко"? Вона: „Эге,—молись чоловіче та бый поклоны".

„А то одна жінка задумала паляныцями торгувать. „Купы, каже, чоловіче куль мукы, буду пекты паляныци та на базари торгувать". Чоловікъ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ утяла,—вынесла на базаръ, никому и дурно не нужно. Приносе назадъ. Ні, чоловіче, на паляныци нема ходу, люде—бублыківъ та й бублыківъ. Иды чоловіче товчи на ступі паляныци, а я буду сіяты та бублыкы пекты". Напекла, понесла,—тоже никому не нужно. Приносе пазадъ. „Ні чоловіче и на бублыкы нема ходу, люде—кваши та й кваши. Иды товчи, я наварю кваши". Наварыла діжку, привязала ему за плечи. „Ну несы-жъ на базаръ, торгуй, та гляды у тебе родичівъ до чорта, ты ще дурно пороздаешъ". Взяла кочергу та на землі напысала хрестъ. „Цілуй, бісивъ сынъ, божысь, шо никому дурно не дасы". Винъ дурный и нахылывсь цілуваты крестъ, а кваша черезъ голову до долу й вылилась. Вона и давай крычать: „Отъ бісівъ сынъ, зъ такимъ чоловікомъ и пожывы на світі,—якъ схотівъ, такъ мішокъ мукы и перевівъ".

„А то якъ коваль зъ пуда заліза зробывъ пшыкъ. Одынъ хліборобъ каже ковалю: „выйде зъ пуда заліза лемішъ"?—„Выйде та ще й добрый". „Ну, на залізо, робы". Отъ винъ робывъ, робывъ,—„ні, каже, не выйде лемішъ, а выйде чересло".—„Ну робы чересло". Робывъ, робывъ,—„ні, каже, не выйде чересло, а выйде сокира".—„Ну робы сокиру". Робывъ, робывъ,—„ні, каже, не буде сокира, а буде долото".—„Ну робы и долото". Робывъ, робывъ,—„ні, каже, не буде долото, а буде шквайка".—„Робы шквайку". Робывъ, робывъ—„ні, не выйде шквайка, буде шыло".—„Та робы й шыло". Заплыскавъ, встромывъ въ воду загортувать,—оно й зашыпило. Мужыкъ: „Эге! бачъ, каже, шо воно выйшло—пшыкъ! Ну приходь же за грішмы".—Кузнецъ пійшовъ и хлопця взявъ. „Гляды-жъ, каже, якъ буду гроши просыты, а ты кажы: прыбавте панъ-отець и на мальчика, бо работы було богато". Приходють. Мужыкъ попавъ кузнеця за верхивья и давай ему метелыци даваты. А хлопець за дверми крычыть: „прибавте панъ-отець и на мальчика, бо работы було богато".

ляется богатство. Чѣмъ зажиточнѣе человѣкъ, тѣмъ выше классъ, къ которому онъ принадлежитъ. «Хозяйственность» есть существенный аттрибутъ второго и третьяго класса, денежная сила характеризуетъ первый классъ. «Полный хозяинъ» тотъ, у кого «заведенъ кругъ», кто имѣетъ «худобу» и деньги. О бѣдныхъ земледѣльцахъ и ремесленникахъ, хотя вполнѣ самостоятельныхъ, обыкновенно говорятъ: «та зъ его николы не буде хозяинъ, винъ до віку чужый робітныкъ». Такъ переплетаются два принципа работы и богатства,—имѣя одни и тѣже термины для своего выраженія. «Чужый робітныкъ», «хозяинъ», «полный хозяинъ», «купець»— таково, по существу, обозначеніе классовъ.

Если подъ «работой» народъ разумѣетъ усилія, производящія матеріальныя цѣнности, то съ богатствомъ соединяется у него мысль о нравственномъ паденіи: «не отдавшы чортамъ душу, богатъ не будешь», «богатому ти помогають, шо пидъ мостомъ сыдять», «богатому чортъ дытыну колыше, а бідный и няньки не найде», «шо мужыкъ богатый шо чортъ рогатый—міжъ собой братья ридні». Тотъ богатѣетъ, кто отдаетъ черту свою душу. Получивъ душу, чортъ заставляетъ чертенятъ работать и черезъ нихъ посылаетъ деньги [1]). Неопредѣленная и слишкомъ общая

[1]) „Мы, каже, мололы на мельныці, отъ дывымся, каже, шото около мосточка загрузло,—гійка, гійка, ніякъ не вытягне. А мы и кажемъ: „а ну, ходимъ, шо воно за чортъ“? Прыходымъ, колы везлы люде тачку зъ здоровенными ящыкомъ на двухъ колесахъ и повнисенькій грошій,—самого серебра. „Поможить, каже, добри люде намъ вытаскаты ящикъ,—никъ не вытягнемъ. Мы вамъ, каже, дамо по пригоршни грошій“. Давай. Помоглы вытаскаты, воны намъ всыпалы въ шапку по прыгоршни серебра. Мы таки раді, прійшлы въ млинъ до вогню—дывымся: колы воно вугильля. „Бодай тебе чорты взяли! Дывысь,—давалы гроши, а зробылось вугильля“. А мирошныкъ каже: „Шо тамъ таке“?—Але, оттаке и таке. „Эге, вы думали то люде везлы гроши, то чорты везлы нашему хозяину. Отто якъ-бы віддалы чертямъ свои души, такъ якъ нашъ панъ-отець, то и у васъ булы-бъ гроши, а не вугильля. Мені, каже, хозяинъ велитъ тоже орудовать чортамы, шобъ скорішъ мололы“. Мы й напалысь на его: „а ну скомандуй“.—„А купыте півъ-кварты“? „Купемо“. Тутъ збоку недалеко и шинокъ, пишлы, выпылы. Идемъ изъ шинку, а воно тільки, тільки шо движатця. Винъ пидійшовъ до локотивъ та й каже: „а що це таке! Хиба такъ мелють! А не хочете, каже, потягты назадъ, а ну-те-ка попробуйте якъ воно, чи легче буде тягты противъ воды, чімъ за водою“. Дывымся,—пійшлы колеса проты воды тільки „скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ“. „Ну глядите же,—валяй да хорошенько“! Якъ же воно зажарило, такъ и чорты его батька зна, ну прямо-жъ страшно и въ млыни сидиты. Отъ воно шо“.

„А то идутъ у двохъ въ темну ничь зъ шинку на гору, а воно душъ 20 тягнуть на гору таку-жъ тачку червонцивъ повнисиньку и ніякъ не вытягнуть.

идея «работы чорта», выраженная въ народныхъ легендахъ, принимаетъ болѣе конкретное очертаніе въ разговорной рѣчи: «це зъ чого винъ нажывся? Це винъ зъ насъ, изъ нашихъ трудивъ»,—«о такій бувъ головою, нажывся, а той писаремъ, а того-то батько бувъ полісовщыкомъ, нажывся, а такому-то зъ монастыря братъ натаскавъ, а такій-то скарба (кладъ) выкопавъ» и т. п. Существуютъ указанія на промыслы: «цей нажився изъ ліса, а «изъ ліса, якъ изъ біса», той зъ торговли—отъ лавкы, той изъ шинка, а той землю державъ, а у того батько чумакувавъ; теперь кажуть: «чумакую, чумакую, а смаку не чую», а тоди смакъ бувъ».—Трудъ не считается источникомъ богатства, а лишь условіемъ существованія, средствомъ пропитанія человѣка. Люди богатѣютъ не отъ труда, а отъ «занятія». Богатѣютъ не мужыки» или «рукомесныкы», а «занятельщыкы». «Занятіе»—это предпріятіе, специально расчитанное на барышъ. «Занятіе разрабатывается» не личнымъ трудомъ, а «чрезъ посредство нанятаго труда»: «въ занятіи успівае, хто чужій трудъ покупае».

Имѣя нѣкогда количественное значеніе, богатство является въ настоящее время качественнымъ факторомъ и теряетъ свой филантропическій аттрибутъ. Зажиточные считали прежде своею нравственною обязанностью помогать бѣднымъ. Разные были виды помощи. Бѣдные, видя, что у богатыхъ есть какое-нибудь дѣло, приходили, работали и уходили. За это имъ присылали двойное вознагражденіе. При свяченіи пасокъ, около церкви оставлялось принесенное. Миски и «рушники» поступали на церковь, а пасхи и съѣстное раздавали бѣднымъ. На другіе праздники зажиточные пекли хлѣбъ и раздавали его или разносили. Въ извѣстные дни разносили по «призьбамъ» зерно въ мѣшкахъ и незамѣтно уходили. Въ полѣ оставляли «для прохожаго» хлѣбъ недокошеннымъ, чаще скошеннымъ, но не сгромаженнымъ, иногда уже сложеннымъ въ копны съ вѣхами, чтобы отличить ихъ отъ хозяйскихъ. Этотъ хлѣбъ назывался «пайками для бідныхъ». И не мало было лицъ, которыя на вопросъ: «у тебе свій хлібъ?»

Пидійшлы и кажутъ: „шо це вы добри люды?"—„Та веземо оттому проклятому шевцеви гроши. Веземъ, веземъ и ніякъ не настачемъ; де винъ ихъ дива, чорты его батька зна. Поможите пожалуста". Воны помоглы вытягты на гору та й шлы слідкомъ прислідиты куды повезутъ. Прямо, кажутъ, и повезлы до шевця въ двиръ,—ше покойного шевця—та, кажутъ, до двора близько нейзя й пидійты: стукотнява, грюкотнява,—ті дубъ товкутъ, ті гроши носять, брязчать. Прямо циле, кажуть, пекло. Коло его и люде боялись селитця,—такъ самъ соби и живъ за слободою".

отвѣчали «ні, пайковый».—Въ настоящее время представители богатства стали глухи къ народнымъ нуждамъ. Гордые сознаніемъ своей силы («есть рубль—есть и умъ, а два рубля и два ума»), они замѣняютъ прежнюю филантропію вмѣшательствомъ во всѣ случаи нужды въ цѣляхъ личной наживы, говоря: «по совісти жыть—по міру ходыть». Игнорируя народные «розсказни», они оправдываютъ себя ссылкою на «законъ», вызывая затаенный ропотъ и общій упрекъ: «якій тамъ законъ,—зачипывсь за колъ».

Велико вліяніе богатства на человѣка. «Есть рубъ, есть и умъ. Богатый чоловікъ и дурный стане розумнымъ и веселымъ и морда стане білиша и світлиша, мало того шо одежа лучша и чистиша. Коли богатый шо робе въ поли або дома,—и бідный такъ-же стараетця, такъ бачъ винъ разумнишій,—въ ёго и сіно пидъ дождемъ не було, знавъ коли скосыты и выгромадыты, усе робытця вразъ, а бідный покы зберетця, дывысь—и тамъ, и въ другімъ місти зробывъ не въ попадъ, ну значить и дурнишій. Богатый никого не боитця, ни десятника, ни старосты, ни старшины, ни станового, за подушне его не тянуть, на панщину не поженуть, а бідный ото всего боитця и ховаетця. Богатый, каже, хоть якъ бреше, а все кажуть: «правда, паноче», а бідный хоть яку щиру правду скаже: «та бреше, кажуть, собачій сынъ». Богатый каже громади: «а що господа повірите, яка мені прывиденція случилась. Я, каже, взявъ здуру та й помазавъ лемишъ на зиму саломъ, шобъ ржа нейіла, коли кинувсь оце весною, а винъ зъ дирками,—такъ зубы и знаты,—прокляты мыши пойіли. Я такы здорово наквацювавъ его саломъ».—«Та що паноче, пожалуй и случитця. Якъ дуже намазанный, то залізо саломъ и пройшло, а воны, прокляті мыши, на все падки». Ходе богатый красивый, гладкій, моложавый, а якъ забідниша, вразъ постариша, де той и толкъ динетця, голова закудлатиша, подурниша. Святі оци карбованци: лучше святыхъ помогають». Богатство—сила, а силой можно злоупотреблять. Не регулируемое сознаніемъ долга, не обставленное внѣшней репрессіей, оно обуздывается идеей небеснаго возмездія. «Убіжъ» создала массу легендъ, которыми возбуждается въ душѣ богатыхъ чувство страха конкретными образами. Разные виды несчастія постигаютъ богатыхъ за угнетеніе бѣдныхъ. То на нихъ нападаютъ физическія боли, то ихъ обуреваютъ душевныя муки, въ домѣ поселяются духи, парализующіе всѣ удобства, доставляемыя богатствомъ, подъ конецъ жизни появляется страшное, но уже позднее раскаяніе.

Указанные принципы «работы» и «богатства», говоря вообще, находятся въ обратномъ отношеніи. Силою, установившею такое отношеніе ихъ, является «доля». Доля у каждаго своя. У однихъ «доля мохнатая, щастлыва», у другихъ «доля гола, нещастлыва». Можно находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ людямъ, но ругать долю также нелѣпо, какъ и роптать на Бога.—

Было уже замѣчено, что ремесленники вообще составляютъ особый «міръ» въ крестьянствѣ. Ихъ обособленность, жизнь, основанная на «живій копійци», исключительная работа на другихъ отдѣляютъ ихъ отъ остального населенія, отъ котораго они отличаются и внѣшнимъ видомъ. Разная работа, соединяя людей общественно, лично разъединяетъ ихъ. Къ общимъ отношеніямъ заказчика и выполнителя, продавца и покупателя, присоединялись спеціальныя условія, вызывавшія взглядъ на ремесленниковъ, какъ на людей жмущихъ, эксплуатирующихъ. Посторонній человѣкъ всегда былъ чужимъ и до извѣстной степени враждебнымъ. Прибѣгая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ «странникамъ», пришлымъ «чужеземнымъ» ремесленникамъ, населеніе относилось къ нимъ недоброжелательно. Во времена крѣпостнаго права, крестьяне еще пользовались услугами «панскихъ» ремесленниковъ. При дешевизнѣ хлѣба, бѣдные помѣщики, нуждаясь въ деньгахъ, смотрѣли на своихъ ремеленниковъ, какъ на выгодную статью дохода. Дозволяя имъ работать на «вольныхъ», они назначали высокую таксу, къ которой ремесленники присоединяли еще нѣсколько процентовъ для себя.

Но, представляя отдѣльный «міръ», ремесленники не составляютъ особаго «класса». Они входятъ въ составъ разныхъ классовъ, хотя болѣе или менѣе и отличаются отъ другихъ представителей этихъ классовъ. Степень отличія опредѣляется родомъ ремесла и классомъ, къ какому ремесленникъ принадлежитъ. Чѣмъ сельскохозяйственнѣе промыселъ или выше классъ, тѣмъ меньше этого классоваго отличія. Бѣдный «олійникъ» живетъ также, какъ остальные мужики, богатый «швець» такъ, какъ торговцы. Ремесленниковъ перваго класса и называютъ «торговцямы», торгующихъ ремесленниковъ третьяго и послѣдняго классовъ называютъ просто «ремесныкамы». Сами ремесленники называютъ себя еще «здільщиками», «занятельщиками» и рѣзко отдѣляютъ «большихъ здільщиківъ» отъ «малыхъ». Крестьяне вообще отличаютъ тѣ разнородные и разнохарактерные элементы, которые обволакиваются у насъ общимъ терминомъ «кустарная промышленность».

Не придавая самостоятельнаго значенія работѣ на рынокъ, какъ признаку второстепенному, производному, а также другимъ временнымъ или мѣстнымъ условіямъ, они устанавливаютъ два принципа классификаціи: «укладъ» и «челядниство». Величиною оборотнаго «капитала» и количествомъ наемныхъ рабочихъ рукъ отдѣляются одни ремесленники отъ другихъ, т. е. спеціальными формами тѣхъ же принциповъ, которые лежатъ въ основѣ классификаціи населенія вообще.

Гл. 2.

Общинное землевладѣніе.

Размѣщеніе угодій.—Способъ пользованія и форма владѣнія.—Два народныхъ теченія.—Займанщина.—Усадьба.—Выгонъ.—Поле.—Лѣсъ.—Сѣнокосъ.—Заполье.

Велика разобщенность въ современной деревнѣ и крѣпки нити, соединяющія отдѣльныя группы. Начиная съ формальностей, до глубоко интимныхъ влеченій,—все подчиняется властнымъ законамъ общественной солидарности и общественной розни. Сама территорія какъ-бы носитъ отпечатокъ этой власти.

Первый классъ занимаетъ самое сердце селенія, второй поселяется на окраинахъ и поясомъ охватываетъ слободу, остальные классы занимаютъ промежуточное мѣсто, отдѣляясь впрочемъ другъ отъ друга. Торговцамъ нуженъ базаръ, проѣзжій трактъ, «дукачамъ» нужны просторъ, близость поля, выгона, попаса, возможность подъ-часъ захвата для расширенія своихъ угодій.

Концентрическое, поясное дѣленіе замѣчается на всемъ пространствѣ крестьянской общины. Въ центрѣ ея находится усадебная площадь, раздѣленная на постоянные участки потомственнаго семейнаго владѣнія, за нею идетъ концентрически расположенная площадь общественнаго выгона, находящагося въ безраздѣльномъ пользованіи всѣхъ, затѣмъ расположены поля, лѣса, сѣнокосы, постоянно передѣляемые на пайки и доли по душамъ, работникамъ, дворамъ и, наконецъ, охватывающее разныя угодья и замыкающее всю общину, «заполье», состоящее изъ рѣдко передѣляемыхъ, ежегодно обрабатываемыхъ душевыхъ участковъ.

Разнообразны способы пользованія и формы владѣнія общественною землею. Внѣшнимъ дѣятелемъ этого разнообразія является родъ самаго угодья, которому соотвѣтствуетъ внутренній факторъ—человѣческія потребности. Каждое угодье имѣетъ свою основу распредѣленія. Усадьба нужна для организаціи хозяйства

и основанiемъ распредѣленiя усадебной площади является частное хозяйство членовъ общины, поле нужно для человѣка и основой распредѣленiя поля является ревизская, а съ недавняго времени и наличная душа, относительно выгона основою является само общество, для лѣса—дворъ, ревизская душа, работникъ. Владѣнiе, такимъ образомъ, бываетъ личнымъ и коллективнымъ: общественнымъ, семейнымъ, дворовымъ, душевымъ, работницкимъ. Пользованiе бываетъ по времени—постояннымъ, временнымъ и разовымъ, по виду—нераздѣленнымъ и участковымъ, паевымъ, долевымъ. Относительно времени,—чѣмъ больше труда затрачивается на извѣстное угодье, тѣмъ продолжительнѣе бываетъ пользованiе имъ. На усадьбу затрачиваютъ больше всего труда и ею пользуются «вѣчно», въ полѣ—меньше, и имъ пользуются временно, сѣнокосъ и лѣсъ появляются безъ труда человѣческаго, и ими пользуются въ формѣ разовой вырубки, разоваго укоса. Видъ пользованiя опредѣляется качествомъ угодья и его разстоянiемъ. Форма владѣнiя, такимъ образомъ, указываетъ на единицу распредѣленiя общественной собственности, способъ пользованiя на продолжительность и видъ владѣнiя; форма владѣнiя диктуется *потребностями,* способъ пользованiя—соображенiями о количествѣ *труда,* необходимаго для удовлетворенiя этихъ потребностей.

Итакъ, разныя угодья общины, владѣнiе и пользованiе ими находятся въ связи съ потребностями и трудомъ человѣка, разные классы населенiя, общественное положенiе ихъ находятся въ связи съ богатствомъ и работой человѣка.

Общинное землевладѣнiе въ Харьковской губернiи въ его современной формѣ обязано своимъ появленiемъ борьбѣ «классовъ», формировавшихся на почвѣ неравномѣрно распредѣленной «старозаимки». Чѣмъ раньше возникла эта форма, тѣмъ покойнѣе она образовалась; чѣмъ позже она появилась, тѣмъ больше жертвъ и даже жизней она потребовала. Административное вмѣшательство способствовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этому процессу. Такъ, изъ болѣе позднихъ влiянiй, кадастровая коммисiя, работавшая въ Харьковской губернiи (1848—1853 гг.) надъ переложенiемъ у государственныхъ крестьянъ податей съ ревизскихъ душъ на земли и промыслы, сообщила новый толчекъ формированiю общинъ [1]). Въ образовавшихся общинахъ замѣчается въ настоящее время стремленiе къ передѣлу поля на наличныя

---

[1]) См. „Кадастръ Харьковской губ.“ (Харьковскiй Сборникъ, вып. VI, стр.

души и «равненіе» старыхъ усадьбъ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ величины полевого надѣла. Зародившись въ большихъ центральныхъ пунктахъ, движеніе въ пользу общиннаго землевладѣнія, преобладающей формы землевладѣнія, перешло въ хутора и, не смотря на увеличившіяся внѣшнія и внутреннія препятствія, охватило много селеній и хуторовъ, еще сохранившихъ старозаимочный личный типъ землевладѣнія.

32—33). Приведемъ три общественныхъ приговора о передѣлѣ земель, относящихся къ тому времени.

„1851 года іюля 21 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковскаго округа Липецкой волости, Больше-прохожанскаго сельскаго общества селъ Большихъ и Малыхъ Проходовъ государственные крестьяне, бывъ на сельскомъ сходѣ въ полномъ собраніи всего 220 домохозяевъ, учинили сей приговоръ въ томъ, что въ нашихъ селеніяхъ, Большихъ и Малыхъ Проходовъ, пахатная земля, принадлежащая намъ, государственнымъ крестьянамъ, есть *четвертная*, владѣемая нами съ предковъ до сего времени *по старымъ заимкамъ* и документамъ четвертями по помѣстьямъ неуравнительно, т. е. имѣющіе домохозяева, при семействахъ только по одному работнику, отъ 20 до 35 десятинъ на одну ревизскую м. п. душу, которую, по малому ихъ состоянію и по недостатку рабочаго скота, обрабатывать исправно не могутъ,—а потому мы всѣ съ доброй своей воли безъ всякаго и ни отъ кого принужденія предположили для себя за выгоднѣе раздѣлить всѣ таковые четвертные участки земли на число ревизскихъ м. п. по 9 переписи состоящихъ въ нашемъ обществѣ 999 душъ уравнительно по скольку причитаться будетъ, и мы послѣ сего о передѣлѣ оной земли впредь просить и заводить дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ нигдѣ не будемъ. Въ чемъ сей приговоръ подписомъ нашимъ удостовѣряемъ и просимъ представить оный на утвержденіе куда слѣдуетъ чрезъ волостное правленіе, въ томъ и подписуемся“.

„1851 г. іюля 10 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковской губ. Сумскаго округа, Верхне-Сыроватской волости, Нижне-Сыроватскаго общества всѣ домохозяева, бывши на мірскомъ сходѣ, въ присутствіи завѣдывающаго харьковскимъ отрядомъ уравненія сборовъ съ государственныхъ крестьянъ коллежскаго совѣтника и кавалера Зубова и помощника Сумскаго окружнаго начальника составили сей приговоръ, что желаемъ объявленное намъ количество земли, по каждому домохозяйству отдѣльно, раздѣлить между всѣми домохозяевами по числу ревизскихъ душъ по ровно, также дать такіе же участки и тѣмъ изъ насъ, которые земли не имѣютъ, а отставнымъ солдатамъ назначить равныя съ нами земли въ раздѣлъ по разсчету на душевой пай; усадебныя же земли въ раздѣлъ не назначать, а оставить ихъ, какъ у каждаго по измѣренію оказалось. Это наше желаніе основано въ томъ, чтобы при уравнительномъ владѣніи полевыми землями и плата поземельная была одинакова съ каждой ревизской души, что же касается до земель, которыя будутъ отведены и отставнымъ солдатамъ, то за земли усадебныя обязуемся мы платить обществомъ, а за полевыя земли они, солдаты, должны платить въ общество тотъ окладъ, какой на десятину будетъ положенъ. Земли же присвояемыя за крѣпостныя изъ насъ Новаковыми и Обозными въ раздѣлъ не назначать, а представить имъ платить особо. Означенный

Параллельно съ этимъ народнымъ движеніемъ замѣчается движеніе иного рода,— разложеніе общинныхъ формъ подъ вліяніемъ агитаціи первыхъ двухъ классовъ крестьянства. Старозаимочные судебные процессы сообщили сильный толчекъ движенію этого рода. Освобождая государственныхъ крестьянъ отъ платежа оброчной подати, они воодушевляютъ «старозаимщиковъ», ломающихъ общину, и уже содѣйствовали имъ въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ «разобрать землю по старому» [1]).—Факти-

раздѣлъ земли, на каждую ревизскую душу, обязуемся сдѣлать своими средствами, не затрудняя начальства".—Интересно, что въ прошломъ столѣтіи въ Нижней Сыроваткѣ было общинное землевладѣніе. По свѣдѣніямъ за 1773 годъ— „въ сл. Низшей Сыроваткѣ владѣющихъ вообще землею 1949 душъ, въ томъ числѣ состоитъ имѣющихъ отдѣльныя дачи 161 душа, неимѣющихъ земли 215 душъ".

„1856 г. марта 26 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковскаго уѣзда Деркачевской волости слободы Деркачей государственные крестьяне, бывъ на сельскомъ сходѣ, имѣли сужденіе о томъ, чтобы дачу нашей слободы, владѣемую нынѣ по старымъ заимкамъ каждымъ домохозяиномъ, раздѣлить на души по ровному количеству десятинъ на тотъ предметъ, чтобы всякій изъ насъ имѣлъ одинаковую возможность уплачивать подати и прочія денежныя повинности, въ чемъ единодушно всѣ домохозяева постановили безъ всякаго спора и безъ всякаго принужденія со стороны начальства. Земли, принадлежащія нашему селенію, Деркачамъ, владѣемыя каждымъ домохозяиномъ по старымъ заимкамъ, раздѣлить по ровну на душевые паи по числу душъ мужскаго пола состоящихъ по 9 ревизіи (2729 д.), не касаясь впрочемъ до земель крѣпостныхъ, находящихся въ черезполосномъ владѣніи, владѣемыхъ нѣкоторыми изъ насъ домохозяивами по купчимъ крѣпостямъ, совершенныхъ у крѣпостныхъ дѣлъ, по которымъ отрядомъ денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ земли хотя и были измѣрены и показаны въ измѣрительныхъ таблицахъ, но не обложены поземельнымъ сборомъ. Самый же раздѣлъ земли начать съ наступленія нынѣшней весны: во 1-хъ, раздѣлить поле нынѣшняго года такъ, чтобы каждый домохозяинъ могъ сдѣлать посѣвъ на 1857 г. озимаго хлѣба на душевомъ паѣ, во 2-хъ, нынѣшнее озимое поле—по окончаніи уборки озимаго хлѣба такъ, чтобы каждый домохозяинъ могъ выдѣленный ему пай успѣть вспахать подъ посѣвъ въ будущемъ 1857 г. яроваго хлѣба и наконецъ въ 3-хъ, яровое поле нынѣшняго года раздѣлить весною въ будущемъ 1857 г., и по сему для уплаты податей и другихъ повинностей по ровну съ каждой ревизской души сдѣлать раскладку съ начала будущаго 1857 г. Въ чемъ спорить и прекословить между собой и утруждать о томъ высшее начальство не будемъ и дабы согласіе наше было на всегда свято, то мы съ общаго нашего согласія и постановили сей приговоръ въ присутствіи сельскаго старшины, добросовѣстныхъ и общественныхъ повѣренныхъ, который просимъ Деркачевское волостное правленіе, по засвидѣтельствованіи, представить на утвержденіе Палаты государственныхъ имуществъ".

[1]) Въ Зміевскомъ уѣздѣ намъ пришлось услышить о результатахъ разрушенія общиннаго землевладѣнія у русскихъ слѣдующее: „Наградилъ Боровую аблокатъ Колышка! На „земли" порѣзалъ: одному, у кого было 2 души, десятинъ 50, да

ческою основою землевладѣнія Слободской Украйны, нынѣшней Харьковской губерніи, была главнымъ образомъ *общественная* заимка «на дикой волной степи, лежащей близъ Крымской границы, въ большихъ черныхъ и малопроходныхъ въ то время лѣсахъ и пасѣкахъ», юридическою основою—царская грамота, пожалованная *цѣлымъ полкамъ* или *товарищамъ*. Займанщина индивидуальная или коллективная, какъ основа народнаго землевладѣнія слобожанъ, не исключала заимки, какъ способа пользованія общественной землей. Изъ поколѣнія въ поколѣніе не передѣляемыя, «*старо*-заимки» были то способомъ пользованія общественной землей, то видомъ индивидуальной собственности. Заимка «оранкою», «хуторомъ» полковой земли, купля-продажа «пайковъ» или «старыхъ заимокъ» общественной земли были въ духѣ «черкасскихъ обыкностей». Займанщина какъ *основа* землевладѣнія имѣла въ XVIII в. разныя *формы:* общественную, частную и смѣшанную. И посдѣдняя, повидимому, преобладала [2]).

лѣсу 20, а другому, который платилъ за сколько душъ, леху отвелъ. Безземельщиковъ сколько надѣлалъ!.. Какой лѣсъ извелъ и общество заложилъ... Мы и къ царю посылали, и въ судѣ судимся... Обидѣлъ, страсть обидѣлъ".

[2]) Для иллюстраціи формъ народнаго землевладѣнія Слободской Украйны, приведемъ изъ имѣющихся у насъ документовъ XVIII в. нѣкоторыя типическія выдержки.

1. „Оная деревня Леонтьевка (Валковскаго уѣзда) поселеніе свое имѣетъ въ месте съ Коломакомъ и *владѣніе землями и лѣсами было вообще* и какая именно часть земли принадлежитъ къ деревнѣ Леонтьевкѣ узнать не можно потому больше что казенные обыватели и Леонтьевскіе подданные какъ бы *поочередно распахиваютъ земли и потомъ одинъ другого на захватъ загоны пашутъ*".

2. „Которою землею сл. Козацкой (Богодуховскаго уѣзда) *всѣ, раздѣля на пайки*, хотя съ нуждою и довольствуются, а безземельныхъ между ними, равно проданныхъ и уступленныхъ (земель) не имѣется".

3. „Въ оныхъ обывателей показанные земли доставшіеся отъ предковъ ихъ еще въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ сначала населенія сл. Бѣлокъ (Ахтырскаго уѣзда) по заимкамъ, а потомъ и по покупкамъ другъ отъ друга до запретительнаго въ 736 г. указа... коею они *всякъ своими участками* владѣетъ... а безземельныхъ 217 душъ".

4. „Сл. Печенегъ (Зміевскаго уѣзда) пользующихся *вообще общественною землею* 2751 душа, въ томъ числѣ состоитъ имѣющихъ *свои отдѣльные земли* 2551 душа, не имѣющихъ вовсѣ въ землѣ никакого участія 461 душа".

5. „Оный черный лѣсъ сл. Асоевки по приговору общества дабы общественною порубкою въ скорѣ истребится не могъ въ 775 году на общество каждой душѣ по одной десятинѣ раздѣленъ".

6. „Оная земля изстари состоитъ для общественныхъ тарановскихъ (Зміевскаго уѣзда) надобностей къ снятію лѣса... Оные лѣса изстари отдѣлены для общаго обывательскаго въѣзду къ рубкѣ дровъ и селидобнаго лѣсу".

Общинное землевладѣніе нашего времени уменьшило чрезвычайную клочковатость прежнихъ «старыхъ заимокъ», расширило площадь воздѣлываемаго поля, ограничило истощеніе почвы, часто ежегодно обрабатывавшейся, вводя обязательный трехпольный правильный сѣвооборотъ, равномѣрно распредѣлило народную землю среди крестьянъ, подняло общее благосостояніе, уменьшило пьянство, давъ занятіе безземельнымъ и ремесленникамъ, сильно «гулявшимъ» лѣтомъ. Оно объединило крестьянскіе классы, создало общіе интересы. Но оно не въ силахъ бороться съ движеніемъ разъединяющаго свойства, поддерживаемымъ и вызываемымъ совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни. Это станетъ очевиднымъ изъ общаго обзора его функцій.

По приговору «сходки», вслѣдствіе заявленія отдѣльной семьи, желающей устроиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, къ какому бы классу она ни принадлежала,—изъ участковъ общей земли отводится, «нарізаецтя» для нея дворовое мѣсто,—«плецъ». Приговоръ выполняется старостой и писаремъ при участіи «громады», хотя бы изъ нѣсколькихъ лицъ. Измѣряемая прежде «кроковкою», циркулеобразнымъ сажнемъ, земля измѣряется теперь цѣпью. Обнесенный «тыномъ» плецъ обращается въ «подвірье». Обстроенный «подвирокъ» представляетъ три отгораживаемыя части: «двиръ», «тикъ» и «огородъ». Каждая часть имѣетъ свое назначеніе. Во дворѣ ставится, смотря по зажиточности новаго хозяйства, одинарная хата или «хата-ківната, а чрезъ сини друга хата», комора съ «засиками» и «всыпищами» и проч. На «тикъ» свозится хлѣбъ, гдѣ его молотятъ и вѣютъ. Свезенный хлѣбъ ставится на «пидъ» изъ бревенъ. Такъ какъ молотьба требуетъ гладкаго, твердаго, утолоченнаго мѣста, то, очистивъ небольшое пространство на току, поливаютъ его водою, посыпаютъ ржаной половой и выравниваютъ, т. е. убиваютъ «толокомъ», дугообразнымъ полѣномъ съ ручкой. Огородъ раздѣляется на «плеса», «грядки» и «капустникъ». Если огородъ находится на высокомъ, сухомъ мѣстѣ, то капустники нарѣзаются отдѣльно въ низкихъ, мокрыхъ мѣстахъ. Для капустниковъ, если окажется необходимымъ, раздѣляютъ и «сагу», болотистое мѣсто, заросшее камышемъ и осокою. Въ такомъ случаѣ каждый, прокапывая межи, унаваживая, самъ осушаетъ свое мѣсто. На низкихъ мѣстахъ нарѣзаютъ еще необходимые въ хозяйствѣ конопляники, «пидметы». «Плесо» въ огородѣ—это широкое, продолговатое мѣсто, «грядка»—узкое, длинное, высокое. Грядки накладываются

землей и унаваживаются обыкновенно «товарячимъ» навозомъ. Отдѣляются онѣ «межами». На нихъ сажаютъ капусту, цыбулю, чеснокъ; на плесахъ—огурцы, бураки, картошку. Плеса обсаживаются пшеничкой гарбузами [1]).

За усадьбою слѣдуетъ выгонъ. Требуется нейтральное мѣсто, гдѣ можно было бы стать возомъ, поставить «вітряки», привязать свинью, коня, попасть скотъ на время. «Выгинъ» не настоящее пастбище, а мѣсто, куда можно выгнать скотину на короткое время, такъ какъ, выгнавъ ее на отдаленное пастбище, хозяинъ лишается услугъ рабочей силы на продолжительное время. Богатые мужики имѣютъ иногда еще частные, обыкновенно огораживаемые «пастивныки». Смотря по расположенію угодій, бываетъ одинъ выгонъ, если поле лежитъ по одну сторону селенія, и два, если селеніе стоитъ въ центрѣ угодій. Гдѣ паровое поле, на той сторонѣ и выгонъ, перемѣщается «толока», перемѣщается и выгонъ, а прежній обращается въ поле, «збій», особенно цѣнимый крестьянами. Если нѣтъ свободнаго мѣста для выгона, часть кустарника отводится подъ попасъ, обращается въ «вильне». Но настоящее пастбище—это паровое поле, «толока», на которой постоянно толчется скотъ. Кромѣ того, скотъ пасутъ еще на «стерняхъ», скошенномъ полѣ, на отавахъ, пускаютъ на «луки» въ началѣ весны, на осеннюю «зеленю», поросль озимаго хлѣба. Скотъ заставляетъ утилизировать и раздѣленную, частнымъ трудомъ уже обработанную землю по принципу общаго вольнаго пользованія [2]).

Для своего существованія крестьянинъ нуждается въ землѣ: «пастбище для скота, для мужыка поле». Община гарантируетъ

---

[1]) „Огородъ—бабинъ доходъ",—это арена ея личныхъ заботъ и трудовъ. „То не хозяйка, шо овощь покупае, а то хозяйка, шо продае". „Огородъ для семьи пидмога": „въ огороді літомъ покопаесься, то й зимою въ овощахъ не понуждаесься". Говорятъ: „якъ лишній разъ пополемъ, то лишній разъ и за овощами сходемъ", упрекая нерадивую хозяйку: „завела бурьянъ вовкамъ плодитьця".

[2]) Рогатая скотина „благословена": „и робыть, и на харчь иде"; свинья „огнемъ благословытця": „не присмоливъ, йисты нейзя"; лошадь „хоть яке дороге мясо, а все таки собаче". Волы, конь—„тягло", корова, свинья, „вивця"—„пидпомога". „Горе безъ своего тягла, безъ скотыны якъ безъ рукъ", „якъ будутъ коровкы, то будуть и бычькы,—не голодни й діточкы", „десятокъ овечокъ—въ хозяйстві свитка й кожушокъ", „якъ своя свинка—свое сальце": „добра годына якъ водытця во двори скотына". А между тѣмъ скотина „Божья роса": „якъ солнце гляне—ничего не стане, якъ Богъ захоче уся скотына вразъ пропаде".

ему это поле. Въ полѣ обыкновенно три поля въ трехъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ «рукахъ»: — «толока», «царина» и «ярина». Въ каждой «рукѣ» бываетъ по очереди всѣ три поля. Поднятая «толока», но еще не засѣянная, даетъ «ріллю», осенніе всходы ржи и иногда засѣваемой пшеницы— «зеленя», тѣже всходы лѣтомъ— «царина»; снятая «царина» оставляетъ «стерню», съораная «на зябь» стерня эта засѣвается яровымъ хлѣбомъ, всходы яровыхъ хлѣбовъ, ячменя, овса и проч. даютъ «ярину», а стерня яроваго хлѣба снова обращается въ «толоку». Отдѣльныя «руки» бываютъ порѣзаны на «гоны», «клинья», «стежки». Форма опредѣляетъ названіе. «Гоны» —ровныя широкія полосы обыкновенно разной длины, «клинъ» —трехугольная площадь, а «стежка», дорожка,—продлиноватая неправильная полоска земли около лѣса, яра и проч. Эти части «руки» отдѣляются «зворотами» и нарѣзаются при передѣлѣ на душевые «пайки», отдѣляемые «обмижками».

Назначеніе полосы обусловливаетъ ея названіе и опредѣляетъ ея величину. «Обмижекъ» —узкая полоса земли, обращаемая въ настоящее время просто въ межевую борозду, «звороты» —полоса, по которой можно проѣхать возомъ до пайка и завернуть плугомъ при оранкѣ. Орютъ двоякимъ способомъ: въ «розгинъ» и въ «складъ». Въ первомъ случаѣ начинаютъ съ межи своего пайка, проходятъ бороздою вдоль «обмижка», заворачиваютъ на «зворотахъ» и проходятъ другою бороздою вдоль другой границы, затѣмъ заворачиваютъ на другихъ «зворотахъ» и проводятъ третью борозду около первой. Такъ, «обходя гоны», доходятъ до середины пайка. Работая «въ складъ», начинаютъ съ середины пайка и постепенно доходятъ до границъ его. При «розгинѣ» земля разваливается и по серединѣ пайка оказывается открытая борозда, которую нечѣмъ бываетъ заложить, при «складѣ» земля складывается, такъ что борозды посрединѣ не бываетъ [1]). Такъ какъ на яровыхъ стерняхъ земля мягкая, то на нихъ, преимущественно на «просыщахъ», на «гречькивкахъ», сѣютъ рожь

---

[1]) Работая, слѣдятъ, чтобы не надѣлать „огрихивъ", не оставить не подрѣзаной земли. Прежде орали украинцы плугомъ, теперь многіе уже пашутъ сошками, а прежній „плугъ воливъ", три пары быковъ, замѣняются лошадью. Время работы измѣряется разстояніемъ. Дѣлая въ день опредѣленное число бороздъ, говорятъ—столько-то разъ „обійшовъ кругомъ гоны". Опредѣляется время и „опругомъ". Говорятъ: „поорався опругъ, покосывся два-три опруга" и т. п. День имѣетъ четыре „опруга": одинъ до „сниданья", другой „до обида", третій до „полудня", четвертый до „вечери"; осенніе короткіе дни имѣютъ три „опруга".

нерѣдко «наволокомъ», т. е. не пашутъ вновь землю, а лишь ралятъ ее, хотя и говорятъ: «насіявъ, каже, наволокомъ и вродыло якъ нарокомъ». Богатые мужики обыкновенно засѣваютъ большія пространства, цѣлые «ланы» одного какого-нибудь хлѣба.

Общественная земля въ разныхъ мѣстахъ бываетъ неодинаковаго качества и лежитъ на разномъ разстояніи отъ усадьбы. Желая уравнять интересы сочленовъ, предпринимаютъ передѣлы полей. Чѣмъ больше различія въ достоинствѣ отдѣльныхъ частей земли, тѣмъ напряженнѣе оказывается стремленіе передѣлять ихъ чаще и на большее число клочковъ дробить надѣлъ. Передъ «поділомъ» пишутъ иногда «трактатъ на раздѣлъ земли» и «маршутъ» этого раздѣла съ обозначеніемъ исходного пункта и постепеннаго чередованія отдѣльныхъ мѣстъ по урочищамъ. Въ «трактатѣ» обозначается рѣшеніе сходки о передѣлѣ на ревизскія или наличныя души, о выдѣлѣ отдѣльной части на «стороннія души» членовъ, проживающихъ внѣ данной общины, хуторянамъ и проч. Здѣсь же обозначаются результаты «жеребьевки», такъ какъ изъ каждаго «десятка», на которые раздѣляется поселеніе, кто нибудь беретъ жребій съ обозначеніемъ номера для опредѣленія порядка, въ какомъ должны чередоваться эти «десятки» при передѣлѣ. «Подільщики» отмѣряютъ «пайки» разной величины, смотря по количеству надѣловъ у каждаго, имѣя въ виду десятницкіе списки, гдѣ обозначены домохозяева десятковъ и «души» каждаго хозяина.

Въ эксплуатаціи лѣса замѣчается большое разнообразіе. Въ нераздѣльномъ лѣсѣ фруктами пользуются по принципу захвата. Въ назначенный день всѣ выходятъ въ лѣсъ и сколько отдѣльная семья отрясетъ деревьевъ или оберетъ ихъ, столько и пользуется. Въ лѣсѣ, раздѣленномъ между крестьянами на участки, срываніе орѣховъ, какъ роскоши, иногда дозволяется въ чужомъ участкѣ; собираніе же кислицъ (дикихъ яблокъ), идущихъ на варево, строго воспрещается. Вырубить дерево на «надобокъ» у кого бы то ни было, преступленіемъ не считается. Нераздѣленный лѣсъ эксплуатируется «засікой». Ежегодно отводимая «ділянка» раздѣляется, смотря по роду и состоянію лѣса, пайками, возами, отдѣльными штуками на дворы, ревизскія души или на работниковъ и вырубливается каждымъ домохозяиномъ отдѣльно, а иногда цѣлой «громадой». Общественный лѣсъ, въ видахъ его сохраненія, дѣлится иногда на участки для постояннаго пользованія каждымъ домохозяиномъ отдѣльно съ преслѣдованіемъ лишь

корчеванія. Стремленіе къ участковому пользованію лѣсомъ усиливается и фактически осуществляется, не смотря на существующее запрещеніе. Оно обусловливается убѣжденіемъ, что «землю нельзя уничтожить, а лѣсъ легко извѣсти» по желанію воротилъ общества.

Сѣнокосъ передѣляется на души обыкновенно ежегодно, иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіи которыхъ каждый пользуется своимъ «пайкомъ»; или нарѣзаются постоянные «пайки», а домохозяева только чередуются пользованіемъ ихъ. Иногда сѣно косится всей «громадой» и затѣмъ раздѣляется уже копицами.

Земля, выходящая за черту удобнаго пользованія для главнаго поселенія, дѣлится на участки между хуторянами, входящими въ общину, или обращается въ «заполье», т. е. выдѣляется изъ общаго сѣвооборота. Скоту неудобно заходить далеко,— «заполье» не бываетъ пастбищемъ: не сбиваясь скотомъ, оно не бываетъ «толокой» и обрабатывается ежегодно. Чѣмъ ближе поле, тѣмъ напряженнѣе сказывается забота «уравнить» его частыми передѣлами; чѣмъ дальше оно, тѣмъ эта забота слабѣе. Удаленное отъ жилья «заполье» раздѣляется на душевые, рѣдко передѣляемые участки. Въ общинѣ, гдѣ оно существуетъ, оно составляетъ четвертую «руку». Здѣсь обыкновенно сѣется рожь и гречиха, вытѣсняемая другими хлѣбами изъ черты правильнаго трехпольнаго сѣвооборота, заводятся «облога», т. е. переставая обработывать землю, позволяютъ ей твердѣть, «облягать», и заростать травою. Здѣсь же встрѣчаются и не скашиваемыя пространства сорныхъ травъ.

Изъ общаго обзора функціи общиннаго землевладѣнія становится очевиднымъ, что оно стремится болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлить между крестьянами основные источники удовлетворенія насущныхъ потребностей народа. Но нельзя требовать отъ общиннаго землевладѣнія того, чего оно по своему характеру дать не можетъ. Подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ масса крестьянъ до того ослабѣла, что не въ силахъ пользоваться представленнымъ ей правомъ на землю и цѣлые слои окрѣпли и выдѣлились изъ общей массы и, кромѣ общественнаго надѣла, имѣютъ свои частныя старозаимочныя и крѣпостныя земли. Стараясь удовлетворить насущныя потребности народа, общинное землевладѣніе представляетъ полный просторъ для дѣятельности самыхъ разнообразныхъ факторовъ жизни.